

Mykola Riabchuk

Возможно ли пошатнуть "шантажистское государство"?

В 2001 году американский политолог Кит Дарден опубликовал статью в журнале "East European Constitutional Review", в которой, кажется, первым употребил термин "шантажистское государство" по отношению к полуавторитарным, или, как их еще называют, "гибридным" режимам на территории бывшего СССР¹. Государственный, то есть определенным образом институционализированный, шантаж является, по его мнению, главным средством и способом осуществления власти в постсоветских странах. Зиждется эта система, согласно Дардену, на трех основных элементах. Во-первых, все режимы, возникшие на постсоветском пространстве, чрезвычайно благосклонно относятся к коррупции. В определенном смысле, утверждает ученый, они ее даже лелеют и поощряют. Но в то же время – и это уже второй элемент системы – они интенсивно используют унаследованный от СССР аппарат слежки (МВД, КГБ – в разных реинкарнациях, а также новосозданная опричнина под названием "налоговая администрация") для учета всех правонарушений и накопления всяческого "компромата". И наконец, третий элемент системы – выборочное применение законов: исключительно мягкое по отношению к "своим" (экономически и политически лояльным подданным) и исключительно жесткое (в сущности – террористическое) по отношению к "чужим" (оппозиционерам и прочим отступникам, реальным или всего лишь подозреваемым в недостаточной лояльности).

Представленная модель выглядит достаточно убедительно – даже без ссылок на "колоритные" записи майора Мельниченко², щедро цитируемые и комментируемые Дарденом. Повседневная жизнь и, в частности, поведение властных "элит" в Украине, России, Армении, Казахстане лучше любой экспертизы подтверждают подлинность упомянутых записей, делая их в определенном смысле парадигматическими не только для главных киевских кабинетов, но и для московских, минских, бишкекских...

Труднее согласиться с Дарденом в его окончательных – достаточно пессимистических – выводах. Описанная система представляется ему весьма стабильной, и изменить ее в обозримом будущем вряд ли возможно. Ибо все, кто в состоянии ее изменить, совершенно в этом не заинтересованы: "Президент и его окружение удерживают власть, олигархи – ресурсы, что же касается средств массовой информации, то они остаются контролируруемыми, а население – запуганным, фрагментированным и угнетенным".

Между тем падение авторитарных режимов подобного типа в Югославии и, совсем недавно, в Грузии дает приверженцам демократии надежду на подобные изменения в других странах и побуждает к более пристальному

анализу условий и факторов, делающих такие изменения возможными.

Дарден несколько упрощает картину, рисуя и "власть", и "народ" в Украине одним—единственным, безнадежно серым цветом. Ибо даже в советские времена (во всяком случае, в послесталинские) "власть" не была чем—то однородным. И уж тем более сегодня она заметно разделена в Украине по региональным, экономическим, политическим и прочим признакам. Ее "единство" достигается пока при помощи упомянутого шантажа, но его дальнейшая эскалация и тотализация неизбежно превращает большинство "олигархов" в скрытых противников "шантажистского государства" (то есть противников шантажирующего их госаппарата во главе с президентом и его администрацией). Желание сорваться с крючка и уйти в свободное экономическое и политическое плавание представляется естественным желанием если не большинства, то, во всяком случае, значительной части олигархических элит³.

Столь же неоднозначно обстоят дела и с украинским "народом", то есть населением. Уровень его отчуждения от власти и, вообще, от политики действительно очень высок; большинство украинцев не доверяет ни государственным лицам, ни государственным институциям, однако доверие к оппозиционным лидерам, партиям, средствам массовой информации не намного выше. Опрос, проведенный в прошлом году в разгар антиправительственных выступлений, показал, что почти две трети (64%) опрошенных не знакомы с требованиями оппозиции, причем более половины из них (54%), оказалось, и не испытывают никакого желания с этими требованиями познакомиться⁴.

Посткоммунистические элиты, безусловно, потрудились на славу, дабы сохранить унаследованное от СССР негражданское общество в негражданском — атомизированном, отчужденном и разобщенном — состоянии. Но зачатки гражданского общества в Украине, вопреки многолетним усилиям власти, все же существуют. Существуют многочисленные, подчас весьма эффективные общественные организации — как, например, Комитет избирателей Украины (www.hq.org.ua), Харьковская правозащитная группа (www.khpg.org), Центр экономических и политических исследований им. Александра Разумкова; существуют независимые, хотя и постоянно преследуемые властями масс—медиа; существует довольно влиятельная (для СНГ) демократическая оппозиция, располагающая одной третью голосов в парламенте (и почти половиной вместе с "условно оппозиционными" коммунистами).

И наконец, кроме неоднородных элит и "неоднозначного" населения, существует еще и третий фактор, третий "игрок", способный повлиять на изменение постсоветского статус—кво в Украине — совершенно не учтенный, однако, Китом Дарденом в его пессимистических прогнозах. Это, конечно же, — международное демократическое сообщество, установившее в последние десятилетия свои правила игры во всем мире и менее всего заинтересованное в нарушении этих правил на Европейском континенте. То, что ЕС сегодня более всего озабочен своим собственным расширением, а Соединенные Штаты — войной в Ираке, вовсе не означает, что украинское правительство получит карт—бланш на проведение очередных "грязных" выборов и прочие увертки, метко охарактеризованные Хавьером Соланой как "игра с правилами, вместо игры по правилам". Последняя жесткая резолюция Совета Европы⁵ и соответствующие заявления ЕС и НАТО по поводу конституционных

махинаций украинского руководства дают Киеву четко понять, что избежать санкций за подобное поведение не удастся – сколько бы украинские руководители ни трубили о своей "евроатлантической интеграции".

Вряд ли какой-либо из трех упомянутых факторов можно выделить как наиболее важный, то есть решающий. Решающим, полагаю, является наличие всех трех факторов, их своеобразная синергия. Безусловно, в странах с недоразвитым гражданским обществом и слабыми или вообще отсутствующими традициями демократии всякие радикальные изменения являются прямым или косвенным следствием расслоения или даже раскола внутри властной авторитарной верхушки. "Отступничество элит, – пишет американский коллега Дардена Лукан Вэй, – является важной составляющей вынужденного плюрализма"⁶, то есть плюрализма, в основе которого лежит не уважение властей к демократическим институциям и процедурам, к правам человека, а главным образом их неспособность установить в стране желаемый уровень авторитаризма. В этом смысле нет ничего удивительного и в том, что главные соперники авторитарных правителей происходят, как правило, из их собственного окружения. (Не только Ющенко был премьер-министром у Кучмы, но и сам Кучма был премьер-министром у Кравчука, да и Кравчук был не последним лицом в аппарате Щербицкого. Именно там все они создали себе определенное публичное имя и репутацию достаточно умеренных и компетентных политиков – чего никогда не смогли бы достичь, начиная карьеру непосредственно в оппозиции, лидеров которой господствующие масс-медиа либо замалчивают, либо рисуют опасными радикалами или, еще хуже, инфантильными, некомпетентными идеалистами.)

Отступничество элит, несомненно, сыграло решающую роль не только в падении Милошевича и Шеварднадзе, но и фактически в падении всех коммунистических режимов в 1989–1991 годах. Для того, однако, чтобы совершенно естественное расслоение авторитарной верхушки закончилось откровенным "предательством" определенной ее части и бегством на сторону оппозиции или хотя бы плохо скрываемым саботажем, необходимо наличие двух других упомянутых факторов: мощного (или, по крайней мере, ощутимого) давления "снизу", со стороны общества, и не менее ощутимого, скажем так, давления "сверху", то есть со стороны международных государственных и негосударственных организаций, определенным образом легитимирующих (или делегитимирующих) данный авторитарный режим.

Кроме весомой моральной поддержки, которую "диссидентствующие" элиты получают и от "народа", и от "международного сообщества" (и которой, заметим, лишаются их консервативные собратья), упомянутая поддержка может иметь и весьма важный практический аспект. Прежде чем сделать решительный – и довольно рискованный – политический шаг в сторону оппозиции, "отступники" должны знать, что в случае неудачи ни "народ", ни "международное сообщество" не оставят их режиму на растерзание. Наличие в Украине влиятельной демократической оппозиции с широкой электоральной базой (особенно в западных регионах страны) служит для многих потенциальных политических "диссидентов" своего рода "охранной грамотой": два года назад тысячи украинцев (главным образом приверженцы Ющенко) голосовали за Юлию Тимошенко лишь для того, чтобы спасти ее от "преследований Кучмы"; по той же причине властям пришлось выпустить из тюрьмы

Андрия Шкиля, избранного депутатом по одному из округов на Львовщине.

В этом смысле Украина, несомненно, является "слабым звеном" (наряду с Молдовой) в цепи консолидированных авторитарных режимов, утвердившихся на территории бывшего СССР. В отличие от Белоруссии, Казахстана, а теперь, увы, и России, в Украине все еще возможны политические неожиданности. Ни ужесточение репрессий против оппозиционных политиков и независимых масс-медиа, ни манипуляции с избирательными законами и комиссиями, ни даже отчаянное перекраивание конституции под свои сиюминутные нужды не гарантируют правящему режиму победы на выборах. Лет пять назад, помнится, российский политолог Александр Рубцов сравнил постсоветские "фасадные демократии" с эдаким новеньким эмалированным ведром с красивой деревянной ручкой, имеющим, впрочем, один (всего лишь один) недостаток. На дне этого ведра имеется дырочка, причем именно такого размера, который не позволяет донести воду от колодца до крыльца⁷. То есть все формально демократические институты в странах СНГ как бы существуют, все формально демократические процедуры как бы осуществляются, однако всегда с небольшой, так сказать, "дырочкой" – с разнообразными нарушениями, необходимыми для сохранения существующей власти. Размер этой "дырочки", этих нарушений не должен быть слишком большим – дабы не нарваться на международные санкции, однако не должен быть и слишком маленьким, дабы не потерять власть (как это случилось в Украине в 1994 году с Леонидом Кравчуком, а перед тем – с Вячеславом Кебичем). Вопрос о минимально необходимых и в то же время максимально допустимых нарушениях превращается в дьявольскую дилемму для многих постсоветских правителей, естественно не желающих оказаться в роли Милошевича или Чаушеску, однако не стремящихся также к международной изоляции и остракизму по примеру Лукашенко. Ширина этой "дырочки", этого "коридора", по которому им приходится продвигаться, как по минному полю, зависит от многих факторов, среди которых главные, как уже говорилось, – давление "снизу", повышающее уровень репрессий и нарушений, необходимый для удержания власти, и давление "сверху", снижающее максимальный уровень репрессий и нарушений, который авторитарные правители могут себе безнаказанно позволить.

Нетрудно заметить, что в случае Украины этот коридор достаточно узок. С одной стороны, в Украине гражданское общество не ограничивается, как в России, столичным городом (плюс, в какой-то степени, другими крупными городами, где политический плюрализм более-менее институционализирован). В Украине гражданское общество, кроме "прикормленного" Киева, имеет достаточно глубокие корни в западной части страны, являющейся не столько "рассадником национализма" (вопреки расхожему мнению и официальной пропаганде), сколько источником политического плюрализма и солидарного гражданского сопротивления авторитарным тенденциям⁸. А с другой стороны, Украина не имеет, в отличие от России, огромных сырьевых ресурсов (не говоря уж о ядерном оружии) и, в отличие от среднеазиатских республик, некой "азиатско-мусульманской" специфики, якобы извиняющей "несовершенство демократии" в этих странах и предохраняющей соответствующие авторитарные режимы от жестких санкций со стороны Запада.

В Украине пространство, в котором авторитарный режим может безнаказанно подличать, сравнительно ограничено. В какой-то степени Леониду Кучме удавалось избегать санкций за различные нарушения международных обязательств главным образом благодаря его так называемой "многовекторной" политике, то есть поочередному заигрыванию то с Западом, то с Россией и поочередному шантажированию обоих угрозой дальнейшего "сближения" с противником⁹. Похоже, однако, что после "Гонгадзегейта" этот прием уже не срабатывает. Запад устал наконец от сомнительного партнера, постоянно меняющего свою традиционную геополитическую ориентацию на нетрадиционную (и наоборот). А Россия, кажется, тоже прекратила охотиться за "неуловимым Джо", поняв наконец, что никуда этот Джо после "кассетного скандала" от нее не денется.

В этих условиях в Украине можно было бы ожидать активизации третьего и, пожалуй, важнейшего фактора, необходимого для смены режима, – расслоения и раскола внутри властных элит. Фактически в Украине этот процесс никогда не прекращался, о чем свидетельствует, в частности, огромное количество "бывших" в рядах сегодняшней украинской оппозиции. "Разновекторные" политические, экономические и даже языково-культурные ориентации украинских элит в значительной степени воспрепятствовали становлению режима единоличной авторитарной власти в стране, вынуждая президента осуществлять "многовекторную" внутреннюю политику – не только внешнюю. Наличие, с одной стороны, нескольких конкурирующих между собой кланов, а с другой – влиятельной демократической (а не только бесперспективной коммунистической) оппозиции создает возможность разнообразных ситуационных альянсов одного (или нескольких) кланов с демократами. В сущности, главная политическая задача, которую решает в последние годы Леонид Кучма, – это недопущение подобных альянсов и предотвращение диссидентства в рядах собственных якобы сторонников¹⁰. Можно предположить, что успех так называемой "конституционной реформы" и результат президентских выборов 2004 года в значительной мере зависят от способности Кучмы и его "антикризисного менеджера" Медведчука удержать под контролем своих людей в парламенте, правительстве, регионах, издавна примеряющихся к лаврам оппозиционеров-победителей, но в то же время помнящих о весомых папках компромата на каждого из них в налоговой службе и прочих "правоохранительных" органах.

Эксперты, как правило, соглашаются в том, что период первичного накопления капитала в Украине в основном закончился и правящая олигархия заинтересована скорее в либерализации режима, чем в его ужесточении. Более прозрачная экономика и политика, безусловно, усложняют привычную игру и уменьшают привычную прибыль, но с другой стороны, делают ситуацию более предсказуемой, безопасной и независимой от минутных прихотей авторитарного президента и его фаворитов. Не менее важной является также перспектива легализации и легитимации "новых украинцев" на международной арене – в качестве добропорядочных бизнесменов и надежных партнеров, а не персонажей унижительных анекдотов и объектов пристального внимания со стороны Интерпола, FATF¹¹ и прочих не слишком дружественных к ним организаций.

Вопреки расхожим стереотипам, Украина уже сегодня экспортирует в страны ЕС в два раза больше товаров и услуг, чем в Россию. Даже если

признать, что проникать на этот рынок сложнее, общий объем этого рынка (в 40 раз больше российского) делает его несравнимо более привлекательным и перспективным (не говоря уж о его благодатном влиянии на модернизацию экспортно-ориентированных отраслей)¹². Впрочем, даже те украинские олигархи, которые делают деньги в России (главным образом на импорте и реэкспорте российских нефти и газа), хранят эти деньги отнюдь не в Москве и, естественно, не в Минске. Все это делает украинские бизнес-элиты не только заинтересованными в улучшении отношений с Западом, но и, с другой стороны, уязвимыми перед возможными санкциями.

Фактически в сохранении статус-кво и даже ужесточении авторитаризма заинтересован лишь госаппарат во главе с президентом, плюс силовики, налоговики и прочие творцы и хозяева шантажистского государства. После того как беглый майор Мельниченко обнародовал дворцовые записи президентских бесед с сообщниками, упомянутая заинтересованность превратилась, как мне кажется, в жизненную необходимость. Для участников подобных бесед международная изоляция в пределах собственной страны должна быть далеко не наихудшим вариантом возможного будущего.

Отчасти поэтому я не представляю себе никакого "грузинского сценария" в Украине¹³[13]. Кучма – не Шеварднадзе, не Ельцин и даже не Кравчук. Просто так он не может уйти, даже если бы пожелал. Потому что за спиной у него злополучный майор, злополучные пленки и, увы, все еще живые свидетели, готовые многое вспомнить, как только развеется призрак шантажистского государства. Будь я на месте украинского президента, я бы плюнул в глаза каждому, кто бы осмелился предложить мне какие-то гарантии. Потому что единственной надежной гарантией для Леонида Кучмы может быть только сам Леонид Кучма. В подобном положении люди, как правило, не останавливаются ни перед чем, и боюсь, что тбилискими розами здесь дело не обойдется.

Украинский режим, как и югославский, может пасть лишь вследствие предательства властных элит. Кучма, как видится, понимает это и расставляет на ключевых постах людей, которым, как и ему, терять нечего. Вряд ли есть что-либо, перед чем они остановятся ради удержания власти. Украинский спецназ – это все еще советский спецназ, для которого избить или даже убить "хохла", "бандеру" – святое дело. Поведение этих молодчиков в августе 1995 года во время похорон патриарха Владимира или же в марте 2001-го, когда они вылавливали на Киевском вокзале участников антиправительственных выступлений (главный опознавательный признак "правонарушителей" – украинская речь), не оставляет сомнений насчет их возможной будущей роли в демократизационных процессах.

Для большинства русских и русскоязычных жителей Украины, преобладающих почти во всех крупных городах, борьба национал-демократов против безнадежно коррумпированного и всеми дружно нелюбимого режима остается, однако, в значительной степени "чужой войной", за которой они готовы в лучшем случае сочувственно наблюдать из окон, оторвавшись на миг от какого-нибудь гораздо более занимательного телевизионного "Поля чудес". Да, почти все они не любят Кучму и его прихлебателей, но почти точно так же не любят или, во всяком случае, не доверяют национал-демократам – во главе то ли с Вячеславом Черноволом¹⁴, то ли с Виктором Ющенко¹⁵.

Насколько это предубеждение, взлелеянное советской "антинационалистической" пропагандой и всячески подогреваемое сегодняшним телеофициозом, имеет реальные основания?

"Ющенко – не националист" – с этим как бы соглашаются все, даже самые заядлые его противники, не забывая, однако, прибавить: "Сам Ющенко – да. Но его окружение..."

"Окружение", однако, – понятие довольно расплывчатое. Блок "Наша Украина" состоит из более чем ста депутатов разных национальностей и разных политических ориентаций, среди которых примерно половина – "списочники", а половина – мажоритарщики, присоединившиеся к парламентской фракции "Нашей Украины" постфактум. Как и всякая зонтичная организация, "Наша Украина" довольно разнородна. Отнюдь не все ее члены вызывают лично у меня симпатию. Однако в руководстве блока я не вижу ни заядлых националистов, ни антисемитов, ни оголтелых русофобов, ни экстремистов – весьма умеренная публика, с приличным бизнес-, дипломатическим и прочим педигри, способная хоть сегодня взять власть и руководить страной вполне рассудительно и компетентно. То же самое впечатление оставляет программа действий, предложенная "Нашей Украиной" в мае 2002 года, сразу после парламентских выборов, с надеждой создать вокруг себя центристское большинство и, соответственно, коалиционное правительство¹⁶.

О компетентности Ющенко, пожалуй, лучше судить по его делам, а не по сочувственным вздохам телевизионных пропагандистов ("Ющенко, дескать, ничего – честный, хороший парень. Но он слаб, а нам нужен сильный, волевой президент..."). На протяжении пяти лет Ющенко весьма успешно руководил Национальным банком, в том числе в роковом 1998 году, когда гривна хотя и пошатнулась, но не ринулась в пропасть следом за российским рублем – в значительной мере благодаря профессионализму главного банкира. В 1999–2001 году этот же человек поднял на ноги украинскую экономику, закрыл многие воровские дыры, ликвидировал бартер, выплатил астрономические задолженности по пенсиям и зарплатам, сократил внешний долг, осуществил целый ряд необратимых реформ, последствия которых ощущаются до сих пор.

Лично для меня наиболее убедительной характеристикой Ющенко является один из многочисленных эпизодов, записанных бдительным майором Мельниченко, – где персонаж, похожий на президента Кучму, выслушивает жалобы другого персонажа, похожего на главного налогового начальника Азарова. Азаров жалуется Кучме на тогдашнего премьер-министра Ющенко, что тот, мол, не хочет подписывать какие-то сомнительные документы, несмотря на устное указание президента. "Да, – огорченно вздыхает Кучма, – он не такой простой, как мы думали".

Даже если бы честность была единственным достоинством Виктора Ющенко, одного этого, полагаю, было бы достаточно, чтобы связывать с ним определенные надежды, – слишком уж редкостна эта черта в политике, особенно постсоветской.

Разумеется, и Виктор Ющенко, и "Наша Украина" принадлежат определенной эпохе и определенному социуму и в этом смысле имеют свои неизбежные ограничения и недостатки. Но это, несомненно, лучшее из всего, что имеется в сегодняшней посткоммунистической Украине, и

это все—таки шанс на более разумное, гуманное и справедливое общество, чем то, которое существует сегодня и которое защищают его оппоненты.

-
- ¹ Darden K.A. Blackmail as a tool of state domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. Vol. 10. No. 2–3 (Spring–Summer 2001); www.law.nyu.edu/eecr/vol10num2_3/focus/darden.html.
- ² Майор Николай Мельниченко, будучи сотрудником охраны Леонида Кучмы, зафиксировал на пленке около 300 часов разговоров последнего с посетителями. Пленки были частично обнародованы начиная с 1999 года и стали главной основой для подозрения Кучмы в причастности к убийству журналиста Георгия Гонгадзе. Впоследствии Мельниченко бежал в США. (*Примеч. ред.*)
- ³ См., например: Ukraine: splits emerging in pro–presidential ranks // Oxford Analytica. 4 July 2003.
- ⁴ См.: Kuzio T. Why is the opposition weak in Ukraine? // RFE/RL Poland, Belarus, and Ukraine Report. Vol. 5. 9 December 2003. No. 46.
- ⁵ <http://assembly.coe.int/Main.asp?>
- ⁶ Way L.A. Pluralism by default and the challenges of authoritarian state building in weak states: The Former Soviet Union in comparative perspective (неопубликованная рукопись в архиве автора).
- ⁷ Рубцов А. Неототалитаризм // Московские новости. 9–15 ноября 1999 г.
- ⁸ См. об этом очень хорошую статью Дмитрия Фурмана: "Центры" и "периферии". Политические системы трех восточнославянских республик // Свободная мысль. 1998. No. 6.
- ⁹ Замечательный комментарий по этому поводу: Мостовая Ю. Сюрплас по–украински // Зеркало недели. 18 января 2003 г.; www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/427/37382/.
- ¹⁰ См., например: Kuzio T. Rifts Emerge among Ukraine's Ruling Elite // RFE/RL Newsline. 28 January 2004.
- ¹¹ Financial Action Task Force on Money Laundering – международная организация по борьбе с отмыванием денег. (*Примеч. ред.*)
- ¹² More than neighbours. The enlarged European Union and Ukraine – New Relations. Chapter 4.1.1. ("Trade") // www.batory.org.pl/doc/final_rep.pdf.
- ¹³ Примечательно, что сам Ющенко решительно отмежевывается от подобных предположений, муссируемых главным образом в пропрезидентских масс–медиа (с осязательным антиамериканским душком). По его мнению, разговоры о повторении "грузинского", "югославского" и прочих сценариев – это либо мыльная опера, либо наивная сказка. "Грузия нашла свой ответ на проблему, Украина должна найти свой". См.: Yushchenko Rules Out Georgian–Style Revolution // Rustavi–2 TV, Tbilisi, 26 January 2004, BBC Monitoring Service.
- ¹⁴ Вячеслав Черновол был лидером украинской национал–демократической партии "Народный Рух". В 1999 году он при невыясненных обстоятельствах погиб в авткатастрофе. (*Примеч. ред.*)
- ¹⁵ См.: Мостовая Ю. Нечем дышать // Зеркало недели. 20 декабря 2003 г. // www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/474/44736/.
- ¹⁶ См.: Рахманин С., Мостовая Ю. А просто–то как! // Зеркало недели. 18 мая 2002 г. // www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/393/34827/.

Published 2005–05–18

Original in Ukrainian

Contribution by Neprikosnovennij Zapas (NZ)

First published in Neprikosnovennij Zapas 33 (1/2004) (Russian version) and

Osteuropa 1/2005 (German version)

(c) Mykola Riabchuk/Neprikosnovennij Zapas

(c) Eurozine